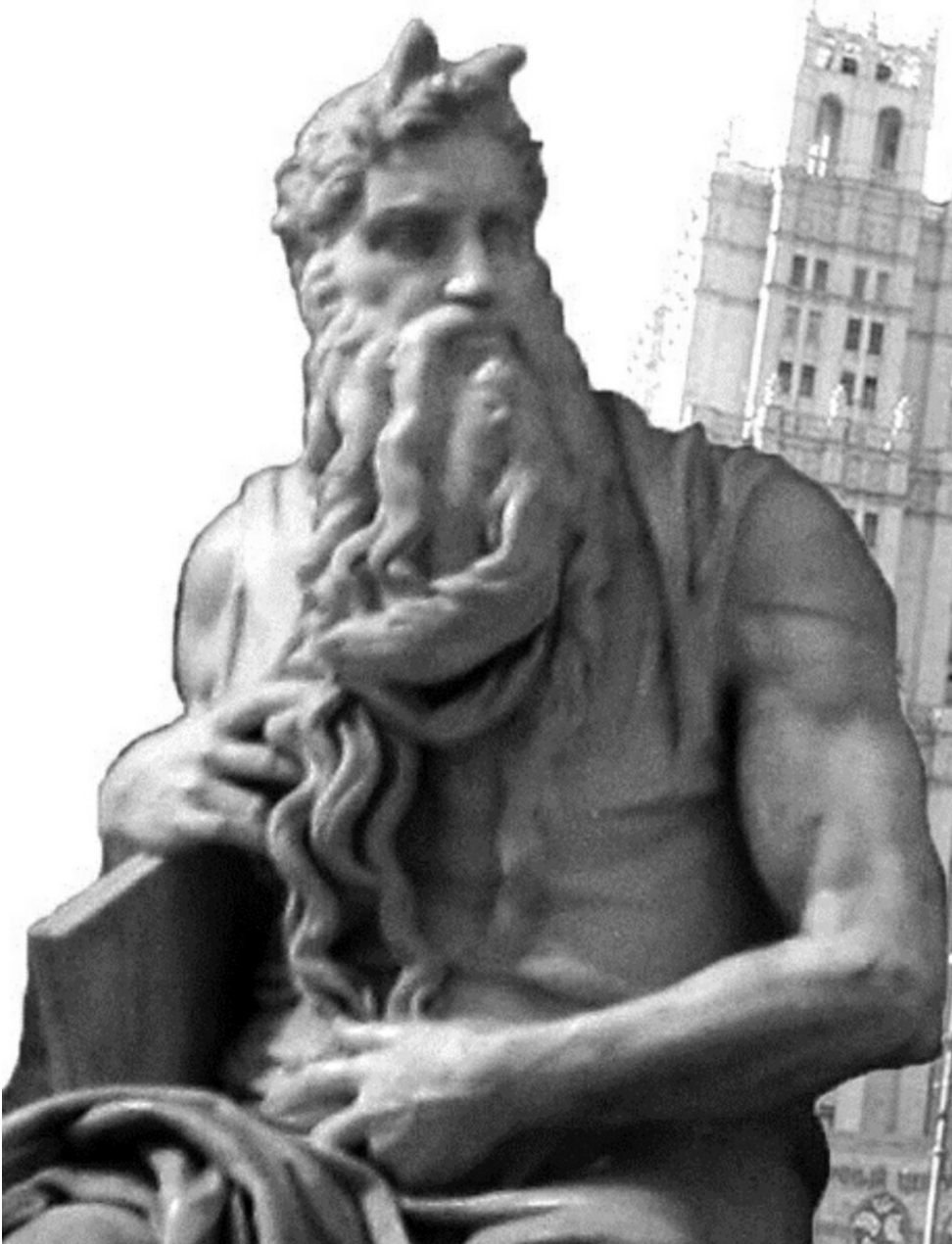


С.Винник, И.Штутман

Левиты и Коэны



Сергей Винник
Левиты и коэны

«Автор»

2011

Винник С. П.

Левиты и коэны / С. П. Винник — «Автор», 2011

Увлекательная история о приключениях братьев Левиных в поисках древнего свидетельства возникновения еврейского народа. Вслед за её героями читатель побывает на Каннском кинофестивале и в Голливуде, в подземельях старого чешского города и московских переулках, встретится с бойцами секретного фронта и финансистами из Лондона, а главное - сможет насладиться неожиданными поворотами сюжета, основанного на неизвестных фактах и необычных трактовках еврейской истории.

© Винник С. П., 2011

© Автор, 2011

Нашему другу Толику Ф. посвящается...

Введение

Борька и Сёмка Левины родились в Москве в обычной и-тэ-эровской семье. Это странное сокращение в давние совковые времена обозначало наличие у родителей высшего или, по крайней мере, специального технического образования, что позволяло их отпрыскам считать себя частью тонкого слоя городской интеллигенции.

Сёмка был старше брата минут на 20, хотя по всем параметрам: росту, весу и рассудительности, старшим должен был стать Борька. Но Сёмка уродился торопыгой и всегда забежал вперед в ущерб результату. Спустя 17 лет эта торопливость приведет его к провалу на устном экзамене по математике в не самый престижный институт связи, куда реалистически мыслящие родители попытались пристроить обоих братьев.

Из-за этого досадного эпизода Семён загремел в армию и, отбарабанив два года, стал поступать в тот же институт, который успешно окончил тремя годами позже брата. К тому времени Борис уже успел сделать карьеру на Центральном телефонном узле, получив должность мастера смены с соответствующей зарплатой и квартальными премиальными. Справедливости ради, необходимо отметить, что его карьерный рост был достаточно быстрым только благодаря массовому уходу женского персонала станции в декретный отпуск. Так совпало.

Идти по стопам брата Семёну показалось скучным. В то же время на необъятных просторах СССР возник незначительный сквознячок в сторону Ближнего Востока, и Семён с готовностью откликнулся на его зов, оказавшись в первых рядах очередной когорты репатриантов на историческую родину.

На новом месте неожиданно выяснилось, что его непрестижная инженерная специальность пользуется в Израиле спросом, а природная пронырливость и приобретенный в армии цинизм в условиях непривычного капитализма служат необходимым катализатором успеха. В результате, спустя 10 лет Семён Яковлевич Левин уже был совладельцем небольшой, но солидной фирмы, поставляющей комплектующие части для бурно развивающихся цифровых сетей связи.

Борис к этому времени женился и получил уважаемую должность начальника цеха входящих связей. Хотя должность эта, несмотря на многообещающее название, была не так интересна, как хотелось бы. “Связи входили, связи выходили”, а проблемы в цеху оставались. И при существующем устаревающем оборудовании избавиться от них было невозможно. Борис горел на работе, заваливал начальство докладными, но “прогресс с процессом” стояли на месте.

– Боренька, не напрягайся, – остужала производственный задор, жена Бориса, Бася, – Всё равно никто не оценит, думай больше о семье! – стыдила она неугомонного производственника.

Борис понимал житейскую правду жены, пытался успокоиться, но результат был нулевой. И когда в очередной раз непредвиденная авария парализовала работу цеха, Борис не выдержал. Не снимая оранжевого спасательного жилета, который выдают всем начальникам цехов, и сжимая в руке разводной ключ на 60, Борис без стука вломился в кабинет Главного инженера Центрального телефонного узла.

Главный инженер, Абрамсон Иван Иванович, в миру, имевшего кличку – Ивансон, в это время пил чай. Видя оранжевую фигуру с гаечным ключом, он поперхнулся сушкой и непроизвольно схватился за большой деревянный циркуль, подаренный ему руководством Министерства Связи. Приняв жесткую оборонительную позицию в стиле ай-ки-до, Иван Иванович стал мгновенно готов к неожиданному разговору.

– Боренька, а зачем тебе разводной ключ? – задал он вопрос, не выпуская из руки острозаточенный циркуль, жало которого блеснуло в солнечном луче, пробившемся через зарешеченное окно кабинета, – Что-нибудь случилось? Что-то с Басечкой? Ты такой бледный...

– Я уже информировал вас, Иван Иванович, – непроизвольно дергая щекой, начал свою речь неистовый борец за производство, – оборудование в цеху старое, давно не ремонтировалось... вот сегодня магистрали и оборвались. Сколько можно экономить на старье? Давно пора было ставить оптику!

– Дорогой мой, Борис Яковлевич, ты ключ-то положи. Он тебе не нужен. Здесь нечего крутить, – Главный инженер пытался взять под контроль ситуацию, – садись-ка на стул, а я сейчас тебе чайку налью.

– Некогда мне чай распивать, надо связи восстанавливать, – сопротивлялся Борис, – производство стоит...

– Ну, если стоит – тогда ещё не всё потеряно, – попытался пошутить Абрамсон, сверля Бориса внимательным взглядом, пытаясь разглядеть момент, когда станет не нужен дурацкий циркуль.

Очевидно, многоопытный Ивансон всё же что-то разглядел в затуманенных глазах начальника цеха входящих связей, так как отложил в сторону геодезический инструмент и потянулся к сейфу, который вплотную примыкал к его письменному столу.

– А давай по 50 грамм? У меня шикарный коньяк имеется, – и не дожидаясь согласия Бориса, достал из сейфа бутылку Мартеля ХО и два граненых стаканчика...

...Борис с трудом разомкнул опухшие веки и посмотрел на часы, стоящие высоко на комод. Это место было специально подобрано для подобных случаев – часы было видно сразу, стоило только открыть глаза. Не требовалось поворачивать голову или – ещё чего! – отрывать её от подушки. Часы показывали 12 часов дня. О том же настойчиво сигнализировал мочевого пузыря Бориса. Остальные органы были ещё не готовы к действию.

В голове смутно вибрировал какой-то неясный сигнал: то ли пожарная сирена, то ли театральная звонка. Оба перечисленных предмета никак не коррелировались с окружающей обстановкой. Взгляд упал на мобильный телефон, валявшийся на журнальном столике. Телефон молчал, но красный светодиод на нём подмаргивал, сообщая о наличии записанного сообщения. Натужно работающий мозг предположил, что звонок телефона и был истинной причиной пробуждения.

– Главное – не спешим, – промыслил Борис – нам с организмом нужно друг друга беречь.

Он медленно, щадя раскалывающуюся голову, поднялся и прошествовал в туалет. Не спеша умылся... Затем, на кухне, хлебнул рассолу из открытой банки с малосольными огурцами и вновь отправился в ванную. Там он стал бриться, стараясь не встречаться взглядом с отражением в зеркале. Бодрость не приходила.

– Может, кофейку? – предложил Борис организму, но открыл почему-то бутылку “Балтики”. После пары глотков полегчало.

– Кто ж там звонил? – рука потянулась к мобильнику, но остановилась на полпути, нащупав пачку “Мальборо”.

Закурил. Жизнь потихоньку налаживалась.

– Кто всё-таки звонил? – жена с детьми были на даче. Может им чего потребовалось?

Борис дотянулся-таки до мобильника и набрал номер голосовой почты.

В телефонной трубке неожиданно зазвучал голос брата, – Борька, это я – Семён! Братишка, ты мне нужен! Я тут попал в странную ситуацию и боюсь, что один не справлюсь. Срочно приезжай. Расходы оплачу. Бери билет и дуй ко мне. Визы с Россией отменили, паспорт у тебя есть. Если меня не застанешь, ключ на обычном месте. Жду!

На этом сообщение закончилось.

– Сёмка... Брат... Давненько он не звонил, – заулыбался Борис, вспоминая последний звонок от брата, когда тот поздравлял его с Новым Годом почему-то в сентябре.

– С Новым годом, – кричал в трубку явно хорошо поддатый Семён, – С новым счастьем – тебя, жену, детишек... Радости... денег... здоровья...

Борис соглашался, кивал головой... Дополнительного здоровья и денег никогда не помешает даже и в сентябре, но когда Семён пошёл поздравлять его по третьему кругу, не выдержал и осторожно поинтересовался, – Сёма, а что это ты осенью Новый Год празднуешь? Вы что, производственный план перевыполнили?

Семён немного успокоился... по звукам в телефонной трубке было отчётливо слышно, что он что-то дополнительно хлебнул, и после минутной паузы популярно объяснил брату про еврейский новый год – “Роше-Шана”, не имеющий никакого отношения к его фирме, которая действительно вышла на достаточно высокий уровень продаж комплектующих.

Подробности этого сентябрьского поздравления Борис запомнил очень хорошо. Память припомнила все детали разговора. Но сейчас звонок был другой. И хотя мировосприятие было “ослаблено нарзаном” Борис понял – с Сёмкой что-то случилось.

– Странно, – думал Борис, стоя под холодным душем, колючими струями пытаюсь вернуть себя в нормальное рабочее состояние, – брат очень осторожен, сомнительными делами не занимается, а тут такое... Даже расходы хочет оплатить. Значит всё серьёзно.

Душ сделал своё дело. Возвращённый к жизни, Борис наскоро проглотил плохо сваренный кофе и рванул на Фрунзенскую набережную, где в билетной кассе работала его дальняя родственница, Софья Ароновна.

– Кроме Софки никто с билетом не поможет, – рассуждал Борис, лавируя в уличном автопотоке на старом Жигулёнке, – надо спешить, а с Ивансоном я всегда договарюсь, отгулов у меня до чёрта...

1. Израиль

Рейс из Москвы приземлился в аэропорту “Бен-Гурион” вовремя. Пройдя паспортный контроль и выдержав, суча ногами, назойливые вопросы о цели приезда со стороны строгой, но смазливой офицерши иммиграционной службы:

– Какие вопросы? Брата навещаю! – Борис вышел из прохлады аэровокзала и, немедленно окутанный непривычной для москвича жарой, оказался на стоянке такси.

Там он увидел оживлённую очередь из прибывших и встречающих, более напоминавшую небольшой восточный базар. Разноязыкий гомон и возбуждённые взмахи рук, поцелуи и объятия, дети, требующие мороженого или газировки, чемоданы и баулы разных мастей – всё навело на мысль о небольшом переселении народов. Но это была лишь обычная очередь на такси.

Очередью заведовал толстый потный мужчина в синей капитанской фуражке, околыш которой украшали черно-белые квадратики. Он выяснял у пассажиров адрес назначения, указывал на очередную подошедшую машину, о чём-то переговаривался с водителем, сообщал пассажирам стоимость проезда, внимательно наблюдал за процессом погрузки багажа, пропускал без очереди пассажиров с детьми, так, чтобы всем было понятно – насколько этот человек незаменим на своем ответственном посту.

Борису досталась белая, слегка потрепанная дорогами и солнцем машина, судя по эмблеме – “Опель”, украшенная непременными “шашечками”. Черноусый бритоголовый таксист чем-то напомнил ему батумских “бомбил”, набивавших курортниками свои гремящие “Волги” и “Лады”.

Приглядевшись в полумраке кабины, Борис заметил табличку на передней панели – “Vano Kalatoshvili, Driver” и понял, что с водителем вполне можно общаться на родном языке. Поэтому он поздоровался и спросил, долго ли ехать до Нетании? Ответ: “Минут 40-45” его вполне устроил. Он откинулся на спинку сиденья и принялся разглядывать мелькающие мимо одноэтажные складские строения, сады и современные жилые кварталы. На развилке недалеко от Тель-Авива они попали в небольшую пробку, вызванную какими-то дорожными работами, поэтому к дому брата машина подъехала минут на двадцать позже, чем планировалось. Борис расплатился с водителем, и, волоча за собой чемодан на колесиках, вошел в подъезд шестиэтажного дома с причудливо изогнутой крышей. Брат переехал в этот дом недавно, и в его новой квартире Борису бывать ещё не приходилось.

Сверившись с адресом на бумажке, Борис нажал в лифте кнопку верхнего этажа. Тихий современный механизм быстро доставил его наверх. Лифт открылся, и Борис оказался перед единственной на этаже красиво отделанной дверью. Он позвонил, но в квартире было тихо.

Борис нажал на кнопку звонка ещё раз. Было слышно, как в глубине квартиры вторично прозвучала соловьиная трель, но результат был тот же – никто не спешил открывать дверь. Борис рассеянно покрутил головой, потоптался на месте и вдруг вспомнил... “если меня не застанешь, ключ на обычном месте”.

– Интересно, какое у ключа обычное место? – подумал Борис, – у всех ведь места разные, а у некоторых... – и вдруг, к своему удивлению, отчётливо вспомнил высокую грудь своей московской соседки.

Совсем недавно, будучи в хорошем подпитии, Борис возвращался домой, и его извилистой путь пересёкся с соседкой Галкой, разбитной разведённой молодухой. Они обычно раскланивались при встрече, соседи есть соседи, но каждый раз, когда Галка, будучи одетой в блузку с огромным вырезом, наклонялась больше, чем позволяло её декольте, Борис краснел и отводил глаза.

В тот день Галка не теряла времени даром и в приподнятом настроении, как есенинский клён, возвращалась домой. Объект Б и объект Г встретились в пункте Д. Им оказалась общая лестничная площадка. Борис уже не помнил, кто первый предложил вместе попить чайку, всех деталей упомянуть невозможно, но роскошную Галкину грудь он запомнил, и вот сейчас мысль об “известных местах” всколыхнула воспоминания.

– Какая-то хрень в голову лезет, – Борис под действием этой мысли заулыбался и тут же вспомнил, откуда Галка достала ключ – из под дверного коврика.

Он рассеянно пошуровал ботинком, коврик съехал с насиженного места, и ключ, большой металлический ключ с множеством пропиленных бороздок, приятно удивил Бориса своим появлением.

– Чудеса, – обрадовался Борис, – недаром говорят, что Б-г избрал Израиль своей землёй. Только приехал, а уже чудеса... А может это Галкины флюиды? Вот тут бы она развернулась...

Но времени на рассуждения не было. Борис наклонился, поднял ключ и открыл дверь. Он вошёл в квартиру и замер.

Вся квартира была залита солнцем. Солнечный свет из широких окон, усиленный двумя круглыми стеклянными фонарями, расположенных в потолке, создавал впечатление праздника. После загазованной Москвы, с серыми домами и дождиком, кусочек солнечного мира, втиснутый в квартиру брата, притягивал, завораживал. Борис попытался зачерпнуть солнечный свет ладонями. Но вскоре, после нескольких попыток рассовать солнечный свет по карманам, прекратил это занятие.

– Ладно, появится брательник, он объяснит, как братья-израильтяне с этим справляются. Как они солнышко приручили, – Борис снял пиджак, повесил его на одинокий стоящий в углу стул и принялся осматривать квартиру, – может Сёмка какое письмо оставил или записку?

Квартира представляла собой последнее слово израильского зодчества. Она занимала весь последний этаж дома и часть чердачного объема, из-за чего крыша здания и выглядела столь необычно. Из просторной прихожей открывалась внушительных размеров гостиная, оборудованная по последнему слову техники: девятиканальный домашний кинотеатр с огромным плазменным экраном, медиа-компьютер с “силвер-рэй” проигрывателем, а также планшет-

ный персональный компьютер на столике в углу – всё как будто овеществилось из последних рекламных буклетов “Цэ-бит” – ежегодной ганноверской выставки. При таком техническом великолепии искать какую-то записку было-бы наивно.

– Наверное, Семён оставил мне инструкции на компьютере, – подумал Борис и, подойдя к включенной персоналке, пошевелил лежащей на столике “мышкой”.

Полупрозрачный экран засветился зеленоватым светом, из встроенного динамика раздался протяжный сигнал гонга и механический голос произнес, – Назовите своё имя для голо-совой авторизации.

– Невежливый, однако, компьютер, – подумал Борис, – пожалуйста от него фиг дождёшься, – но послушно ответил, – Это я, Боря... Вот... приехал.

К удивлению Бориса, после небольшой паузы компьютер заявил:

– Вы успешно авторизованы, можете пользоваться системой!, – и сыграл бодрый туш.

– Ну и шутки у братца! – вздрогнул Борис.

Он увидел, как на посветлевшем экране, подобно осеннему листу, сверху медленно планирует изображение почтового конверта с его именем на лицевой стороне. Конверт, как волшебству, сам собой раскрылся, из него выполз сложенный в четыре раза листок бумаги, развернулся в полную страницу, и на ней начали появляться четкие черные буквы – не было никакого сомнения, что это почерк Семёна.

“Дорогой Борька! Извини, что я тебя не дождался! Мне пришлось срочно выехать в Канны, на кинофестиваль. Не думай, пожалуйста, что твой брат совсем спятил – это нужно по делу. Я должен проследить за двумя братьями Коганами. Ты же знаешь этих придурков-режиссеров из Голливуда. Они ещё сняли дурацкую комедию про якутов – скандал был на всю республику САХА – якобы якуты за патроны и спирт своих жен геологам подкладывают, а все алмазы по-дешевке на 100 лет вперед уже загнали. К якутам им после этого ни ногой! Теперь стало известно, что Коганы готовятся снимать картину про наш Израиль – ничего святого у гадов нет! Мне тут одна местная организация поручила разузнать и принять меры – не задаром, конечно. Я в Каннах недельку покантуюсь, а ты у меня дома поживи, чтобы моё отсутствие в глаза не бросалось. Походи – погуляй, на телефонные звонки отвечай – у нас голоса похожи, а кому что говорить я в инструкции написал. Деньги в тумбочке. Обнимаю. Семён”.

На этом месте раздался легкий шелчок, и нижний ящик компьютерного столика открылся – в нем лежала пачка шекелей. Затем послышался стрекот принтера и перед изумлённым Борисом появился листок с инструкциями.

Не переставая удивляться, Борис осторожно взял листок, но вслед за первой бумагой выползла другая... Как неразорвавшейся бомбы Борис коснулся второй страницы, и в это время принтер разродился третьим листом.

– Подожду, не буду трогать, – подумал Борис, отёрнув руку, – Как говорится – “не тереби лихо, пока лежит тихо”.

Но третий лист оказался последним. Борис подождал ещё пару минут, забрал распечатанные инструкции и потопал на кухню. Там он взгромоздился на высокий барный стул и бросил взгляд на бумаги, выплюнутые принтером.

– Молчи! Никому ничего не рассказывай! Враг не дремлет! – первая строчка, выделенная красным шрифтом, толстой швейной иглой кольнула Бориса в висок, а расположенная ниже общеизвестная фотография молодой советской девушки в красной косынке с прижатым пальцем к губам, повергла в шок.

– Какие-то шпионские игры, блин, – Борис заворочался на узком стуле, – Ничего не понимаю. Причём здесь Семён и братья Коганы? А в довесок – ещё и кинофестиваль? Ну, с Каннами понятно, я бы там тоже тусовался... Но “враг не дремлет”... Может это жара так действует?

Борис хмыкнул, сполз со стула и пошёл по направлению к холодильнику. Огромный никелированный гигант со встроенным в дверь телевизионным экраном, соответствовал техническому оформлению квартиры. Борис подошел, осмотрел тихо гудящий агрегат, написал пальцем на запylённом экране магическое слово из трёх букв и распахнул сразу обе двери.

– А брательник не изменился, помнит Родину – водку держит в морозильнике. Молодец.

Борис быстрым взглядом просканировал содержание холодильника, и принялся организовывать закуску. Семён хорошо знал гастрономические пристрастия брата. Вскоре Борис красиво украсил пару тарелок разнообразными заморскими деликатесами и вернулся к барной стойке.

– За понимание! – провозгласил он тост киношного генерала Иволгина, чокнулся с запотевшей бутылкой Абсолюта и выпил. Затем хрустнул кошерным малосольным огурцом и углубился в чтение инструкций.

2. Франция – Канны

Вам приходилось бывать летом на юге Франции? Когда-то за такой вопрос можно было и в торец схлопотать, а теперь – ничего. Во взгляде отвечающего возникнет легкий туман воспоминаний, на морде появится слегка блаженное выражение, рука игриво изобразит что-то волнообразное, и слова окажутся лишними.

Семён уже четвёртый день пребывал в описанном только что возвышенном состоянии, оказавшись в Каннах, среди праздничной кутерьмы одного из популярнейших фестивалей важнейшего из искусств, как говорил позабытый уже классик. Он побывал на открытии фестиваля, на нескольких приемах и пресс-конференциях, и в свободное время в основном прогуливался вдоль набережной среди праздничной толпы, высматривая знакомые лица кинозвезд, окруженные репортерами-фотографами и обычными зеваками, аппаратура которых была, впрочем, малоотличима от профессиональной.

В настоящий момент он пристроился за столиком летнего кафе, в тени какого-то странного сооружения, похожего на огромную беседку или на пустую карусель, и посасывал через трубочку “Махито”. С виду он выглядел солидной капиталистической акулой, каковой, впрочем, и являлся, если не считать отвисшего от напряжения правого уха, которым Семён пытался

разобрать негромкий разговор двух, судя по произношению, американцев за соседним столиком.

Один из американцев был одет в яркую шелковую гавайскую распашонку всевозможных розовых оттенков, а второй – в кремовую рубаху с короткими рукавами. На этом различия заканчивались – оба были высокие, худые, черноволосые, носатые и в белых штанах от Кардена. Даже невооруженным взглядом было видно, что это братья.

– Марк, – обратился “гавайский” парень к своему “кремовому” двойнику, – мы сидим здесь уже три часа. И сколько нам ещё ждать?

– Сколько надо – столько будем, – отвечал “кремовый”, – Время – деньги! В данном случае – деньги у него. Поэтому время тратим мы. Так что будем ждать, брателло. Давай, я тебе ещё пивка закажу...

– Да не хочу я пиво. Я хочу в гостиницу, хочу принять душ и завалиться спать... Ведь всю ночь не спали, караулили этого лоха, – “гавайский парень” глухо бубнил, играясь с солонкой.

– Соломон... Салли... Ты уже большой мальчик. Мы же были вместе, но я могу ждать, а ты не можешь. Надо потерпеть, – Марк пытался подбодрить брата.

– Какой ты Марк правильный, – продолжал ворчать Соломон, – и нервы у тебя как из проволоки. А я не такой как все... я натура тонкая.

– А бабки любишь как все... и не строй из себя институтку. Надо было со мной идти кун-фу заниматься, когда приглашали. Может там бы в тебе выдержку и воспитали, – Марк закурил очередную сигарету, глубоко затянулся и выпустил в сторону Соломона четыре сизых кольца дыма.

– Кунфу-мунфу... что мне ногами махать. Я и так могу в репу двинуть, мало не покажется, – “гавайский” парень взял со столика ложку и в качестве наглядного примера, что он действительно может не слабо двинуть в репу, завязал её в узел и аккуратно отмахнулся от возникшей дымовой завесы.

– Чем приборы портить, лучше силу воли тренируй, а то “сила есть – ума не надо”. Мы такое дело затеяли, а ты ложки гнёшь... Начинаю жалеть, что с тобой связался. Я ещё не забыл, как ты меня с якутами подставил... до сих пор аукается, – Марк наморщил лоб, и сурово посмотрел на брата, – Это ж надо, якутов с чукчами перепутать!

Из дальнейшей подслушки Семёну удалось выудить, что искали братья известного лондонского продюсера, обещающего профинансировать их новый “проект”, как теперь принято говорить в деловых кругах. Но наступивший кризис, вероятно, внёс определенные коррективы в продюсерские планы, и последний начал скрываться от назойливых братьев. Вот только что, вроде бы, стоит он на виду у всего народа и беседует с Мартином Скорсезе на краю знаменитого красного ковра, а протиснешься к нему в толпе – и нет никого, лишь ароматы Дольче-Габбаны медленно растворяются в свете прожекторов. Но и братья – не пальцем деланные, знают всю киношную кухню от А до Я, а потому решили заманить хитроумного продюсера на собственную пресс-конференцию, что вскоре состоится в одном из залцев киноцентра, расположенного прямо на набережной Канн. Он наверняка явится, чтобы оценить режиссерскую

популярность братьев по количеству журналистов, по их вопросам и интересу к новым планам скандальной парочки, проверить, не появился ли кто из конкурентов, – а уж присутствие конкурентов они обеспечат. Тут его и надо брать “за жабры” впаривать идею и подробности горящего израильского проекта, обосновывать требуемые полмиллиарда баков и подписывать... подписывать... подписывать протокол о намерениях, пока продюсер не слинял.

К большому сожалению Семёна, тема нового фильма из разговора не проявилась. Только промелькнуло упоминание о тайном псалме, который скрывает древнюю тайну избранного народа...

– На что тут можно “пол-ярда” потратить? – подумал Семён, – Уж не для мафии ли братцы решили отмыть бабки? Тогда понятен интерес нанявшего меня заказчика. Но в этом случае – дело становится опасным! Конечно, при двухсотпроцентной прибыли всякий коммерсант готов рисковать, тем более – обещанная сумма могла бы решить вопрос инвестиций в собственную фирму Семёна, но голова дороже!

И Семён мысленно перенесся на двенадцать дней назад, когда он впервые встретил уважаемого раввина и услышал о своей принадлежности к секретному Сообществу Охранителей.

3. Израиль (двенадцатью днями ранее)

Раввин Шломо Левитас, высохший седой высокий старец, величественно сидел на деревянном стуле, украшенном резными звёздами Давида. Дело происходило в маленькой комнатке, скрытой в многочисленных лабиринтах синагоги. Свечи в огромном серебряном семи-свечнике колыхались, и их дрожащий свет придавал ещё больше таинственности потайной комнате. Кроме Левитаса и Семёна в комнате никого не было.

Раввин пронзительными чёрными глазами-кинжалами, которые совершенно не соответствовали его преклонному возрасту, пристально вглядывался в Семёна. У Семёна кружилась голова, ему было плохо, его мучила жажда. Как кролик перед удавом сидел он перед старцем, боясь пошевелиться, а раввин Шломо тихим голосом внушал:

“Мы пришли в этот Мир не случайно, а по космическим законам, постичь которые до конца нам не дано. Космос заинтересован в нас, в нашей жизни и в наших успехах. Живя в материальном мире, мы совершаем важную для человечества работу. Мы – частичка всего общества планеты Земля, и что ещё очень важно, мы принадлежим к секретному Сообществу Охранителей. И ты сын мой, тоже член этого сообщества. Ты один из нас! Наши корни необходимо сохранять, передавать по наследству, умножая традиции...”

“Род, в который мы пришли, взаимодействует с нами. Он оберегает наш древний народ от напастей, помогает ему на жизненном пути и в трудную минуту придает силы и надежду. Но это также и испытание. В преодолении препятствий и преград крепнет наша душа, а род Охранителей закаляется и тем самым очищает свои корни...”

Семён испытывал двойственное чувство. С одной стороны его грела мысль, что он принадлежит к избранным, к секретному Сообществу, но с другой стороны мыслишка, что даром ничего не дается, предательски колола в печень тонкой иголкой. Он очень хорошо помнил притчу про бесплатный сыр в мышеловке.

Также несколько смущала Семёна высокопарность стиля собеседника. Все ранее встреченные им раввины говорили и выглядели как нормальные люди, обычно с характерным для раввинов юмором. Вот, например, тот рыжий раввин, что у друзей Семёна недавно справлял еврейскую свадьбу, за праздничным столом рассказал анекдот про парикмахера. Все смеялись. Анекдот, конечно, “с бородой”, но было приятно услышать его от “служителя культа”. А тут мистика какая-то... секреты, блин. Фантастику Семён не любил, предпочитал литературу детективную или историческую, но тоже с детективным уклоном. А тут, явно гонит товарищ раввин, туману напускает с неясной для Семёна целью, да, похоже, что и с головой у него не всё в порядке...

4. Израиль (текущее время)

Борис уже три дня жил в квартире брата, не делая ничего. Он поздно вставал, лениво делал упражнения по растяжке, к которым привык ещё со времен подпольной секции карате, пил кофе и отправлялся к морю. К телефону старался не подходить, но регулярно прослушивал записи на автоответчике. С одной стороны – он ждал звонка от Семёна, а с другой – побаивался, что его неловкий иврит будет распознан возможными собеседниками и они поймут, что говорят не с Семёном, а с замещающей его неизвестной персоной. К счастью, звонков, почти и не было: пара рекламных агентов, да информация из банка о поступлении на счет клиента некой суммы в расчёт не шли.

К обеду Борис возвращался с пляжа, обедал, чем Б-г послал, и самое жаркое время суток проводил в сладкой полудреме у телевизора. К вечеру, когда жара спадала, он иногда выползал в город побродить, сидел в уютных кафешках, косясь на симпатичных девиц – некоторые были в военной форме, а то и с автоматом, висящим на плече наподобие модной дамской сумочки.

Утром четвертого дня спокойствие было нарушено переливчатым сигналом дверного звонка. В этот момент Борис как раз брился, и от неожиданности рука его дрогнула. Прижимая полотенце к порезу на щеке, Борис подошел к входной двери и заглянул в глазок.

За дверью стоял рослый мужик с пакетом в руках. Его голову украшала синяя фуражка с непонятной серебряной кокардой, а на левой стороне голубой рубашки отсвечивала овальная бляха.

– Похож на почтальона, – подумал Борис, и не уверенно выдохнул в дверь, – Кто?

– Вам посылка, – протрубил мужик с бляхой.

– От нашего мальчишка? – Борис попытался пошутить, но шутка не получилась.

– Надо расписаться в получении, – менторским голосом последовал ответ.

– “Это он, это он – ленинградский почтальон”, – замурлыкал Борис, – “знак ГТО на груди у него”... Погоди, погоди... про “знак ГТО” и “больше не знают о нём ничего” – это, кажется из другой оперы, – Борис завозился с тугим замком.

Замок поддался знатоку советских детских стихов, дверь отворилась. Борис вышел на площадку. Солнечный свет бил в глаза, и ему пришлось сощуриться и опустить голову. Взгляд Бориса произвольно упёрся в ноги почтальона.

– Интересно, почему он в армейских ботинках? – мелькнула мысль, – Везёт же этим почталёнам. Одевают как десантуру, – но развить эту мысль Борис не успел.

Он почувствовал тупой удар в основании шеи и потерял сознание...

Очнулся Борис от того, что кто-то плеснул ему в лицо холодной водой. Он резко открыл глаза. На стуле перед ним сидела девушка.

– Ну что, оклемался? – вопрос прозвучал на чисто русском языке.

5. Франция – Канны (пресс-конференция)

Каннские пляжи были усеяны загорелыми телами, море сверкало на солнце неповторимой лазурью, в воздухе веял аромат отцветающих каштанов. Променады были заполнены гуляющей публикой в разноцветных нарядах – всё гармонировало с фестивалем киноискусства, проходившем здесь же, на берегу, в огромном здании киноцентра, к которому от набережной вела знаменитая красная ковровая дорожка. Залы киноцентра носили имена классиков мирового кино: Феллини, Эйзенштейна, Кубрика, Бергмана.

Входя в здание, наблюдательный Семён успел подсмотреть: красный ковер прикрывает обычную фанеру, из которой сделан помост и широкие ступени, ведущие к зданию киноцентра.

Пресс-конференция братьев Коганов началась ровно в 4 пополудни, в полном соответствии с расписанием, вывешенном в Оргкомитете кинофестиваля. Для неё был выделен зал, названный в честь изобретателей кино – братьев Люмьер. В прохладном зале набралось человек 30-40: пресса, три группы телерепортеров с камерами, несколько продюсеров, два из которых были весьма известные, в окружении непременных старлеток, а также прочие фестиваль-ные гости, зашедшие поглазеть на скандальную парочку.

Мероприятие открыла мужеподобная очкастая мымра из Оргкомитета, наряженная в изысканное платье от Версаче.

– И откуда такие только берутся? – тихо бормотал Семён, пытаясь удобно устроиться в кресле, – За те бабки, которые с меня содрали за гостевой билет, могли бы найти кого-нибудь посимпатичнее.

Продолжая ворчать, он развернул программку, выданную совместно с билетом, и углубился в её изучение.

– Уважаемые дамы и господа, – начала по-французски мымра, – позвольте мне представить наших сегодняшних гостей, известных кинорежиссеров братьев Коганов.

Семён не был готов к такому повороту, он рассчитывал на английский. Прошло несколько минут, пока он, пошарив взглядом вокруг, обнаружил лежащий рядом пакетик с наушниками и, воткнув штекер провода в гнездо, расположенное в подлокотнике кресла, выбрал нужный канал перевода. В наушниках заворковал размеренный голосок английской переводчицы. За эти минуты вводная часть закончилась, и присутствующие перешли к вопросам корреспондентов.

Первым поднялся со своего места тощий как жердь рыжий француз:

– Канал “Пари Премьер”. Мсье, ваши дальнейшие планы? Планируете ли вы снимать кино о Франции?

Старший из Коганов сообщил, что съемки во Франции не входят в их ближайшие планы.

– Возможно, в будущем, – туманно заметил он.

Затем вперед выдвинулась дородная блондинистая тётка из шведского еженедельника “Семья и общество”:

– Господа, расскажите о проекте, над которым вы сейчас работаете?

Братья переглянулись.

– Мы сейчас находимся у истоков нового, ошеломительного проекта, – начал младший Коган, – Его стоимость может достигнуть полумиллиарда долларов. Это совершенно новая тема, сравнимая по масштабу только с эпопеей знаменитых “Звездных войн” Лукаса. Она охватывает всю историю возникновения евреев как народа от первых дней до нашего времени. Мировой кинематограф будет потрясен до самых основ!

Он бросил гордый взгляд на заинтересованного продюсера, который внимательно прислушивался к его словам.

Зал затих, был слышен только шорох авторучек и диктофонов, да бубнил что-то в микрофон телеоператор.

– “Канал ТэВэ Раз”, – вылез вперед русский журналист с фамилией знаменитого писателя, – В каких странах вы собираетесь работать над этим проектом?

– Наш проект потребует посещения Ближнего Востока, Кавказа, Африки, обеих Америк и, возможно, Китая, – ответил младший Коган под одобрителный кивок головы старшего брата.

Семён много раз видел репортажи русского журналиста с различных кинофестивалей, и всякий раз его не оставляло ощущение, что снятые журналистом интервью со знаменитостями являются продуктом видеомонтажа. Казалось, что ответы кинозвезд взяты из передач солидных французских станций, а лицо интервьюера и его вопросы смонтированы позже – вероятно, потому, что они никогда не появлялись на экране одновременно. Впрочем, может быть, Семён был слишком мнителен.

Между тем, русский не успокаивался:

– Подобный проект повлечёт за собой координацию работы огромного количества специалистов. Разные страны, разные народы, даже континенты... Вы, конечно, помните, что произошло при строительстве Вавилонской башни?

Вопрос оказался неожиданным.

Братья переглянулись, и старший Коган поднялся из-за стола. Он неторопливо налил в стакан минеральной воды, бутылку которой мымра услужливо подвинула к нему поближе.

Марк выпил воду, поставил стакан на стол, и обвёл уверенным взглядом внимательно слушающий зал:

– Сценарий уже передан в производство. По определенным причинам я не буду объявлять имя автора, но в основу произведения легли подлинные исторические документы, никогда не опубликованные ранее. Этот сценарий, я не побоюсь такого сравнения, настоящая бомба!

– И цена этой бомбы 500 миллионов? Вам не кажется, что как-то всё завышено? Очень похоже, на известное “планов громадьё”, – вопросы непонятного русского журналиста насторожили зал, – Можно ли узнать, кто будет финансировать ваш проект?

Мымра пришла на помощь.

– Простите, – улыбка на её лица приобрела сходство с растёкшимися часами Дали, – Я понимаю, что зрителей “ТэВэ Раз” очень интересует информация о новой работе братьев Коганов, но давайте дадим слово и другим представителям прессы. Вот вы, пожалуйста...

И мымра указала рукой в сторону молоденькой девушки, приятную головку которой украшали многочисленные косички. Часть косичек оканчивались бантиками, а часть – разноцветными бусинками, очень похожими на детали рассыпанного детского конструктора “Лего”.

Девушка покраснела от смущения и, приблизив к губам микрофон, что сделало её ещё более сексуальной, звонким голосом спросила:

– Господа режиссеры, всё ещё на слуху известный инцидент с якутским народом. Не опасаетесь ли вы, что после выхода этого фильма вас перестанут пускать и в Израиль?

Присутствующие догадались, что это представитель одной из тель-авивских газет. Послышались смешки и шушуканье. Однако бывалых режиссеров такой вопрос не мог поставить в тупик.

Старший Коган приосанился, чтобы казаться значительнее:

– Мы сами относимся к древнему еврейскому роду первосвященников. Как вы знаете, Коэны в течение пяти тысяч лет оставались влиятельным кланом, на который была возложена обязанность хранить священные реликвии и знания. Много столетий назад мы заложили основы учения Каббалы, в которой зашифрованы сокровенные тайны иудаизма. Поэтому заданный вопрос, мадам, можно оправдать только вашей молодостью и незнанием основ нашей религии.

В зале повисла тишина, а Мымра поспешила вставить свои 5 сантимов:

– И, кстати, очень интересно, какое отношение имеет древнее племя якутов к Израилю. Мне, кажется, что там им будет немного жарковато... Вы так не считаете?

Щеки девушки покраснели ещё больше. Она нервно накручивала одну из своих косичек на палец... пауза затянулась.

И вдруг Семён, стремительно поднялся со своего кресла. Какая-то неведомая сила неожиданно подбросила его. В памяти промелькнуло лицо раввина Шломо Левитаса... его глаза – кинжалы, глаза одержимого человека.

– Изначально род Первосвященников возник из рода Левитов, названных так по имени одного из родоначальников 12-ти колен Израилевых, – Семён с напряжением в голосе начал речь.

Глаза его горели огнём, а руки непроизвольно сжимались в кулаки.

– После разрушения Первого Храма император Нэвухаднэцар пригнал в Вавилон группу плененных левитов. Глядя на их плач и стенания, он воскликнул: “Почему так печально? А ну-ка, давайте повеселее! Пока я не начал обедать, поиграйте-ка мне и моим богам на кинорах, как игравали вы для вашего Б-га!”

Семен шпарил текст наизусть, сам не понимая, откуда он все это знает:

– Переглядываясь друг с другом, левиты зашептали: “Ни за что! Мы, которые играли в Храме для Всмогущего, будем теперь играть для этого коротышки (Нэвухаднэцар был маленького роста) и для его идолов?! О, если бы мы пели для Всмогущего с большим усердием, мы никогда не очутились бы в изгнании!”

От напряжения на лбу оратора выступили капли пота, он возвысил голос:

– Но как могли они и в самом деле не подчиниться приказу пленившего их властителя? План возник сразу же. Каждый левит, не колеблясь, отсек себе большой палец правой руки. Воздев кверху кровоточащие обрубки, чтоб их увидел Нэвухаднэцар, они запричитали: “Как нам петь песнь Ашема? Разве ты не видишь, что наши руки искалечены, и мы не можем больше играть на музыкальных инструментах?” Кто так ещё мог поступить? Вот на кого была возложена обязанность хранить священные реликвии и знания. На Левитов!

Зал обалдел.

Мымра кивнула охранникам, и возникший исторический спор был прерван самым бесцеремонным образом – одна из спорящих сторон оказалась за стенами внешне гостеприимного конференц-холла.

6. Франция – Канны (гостиница “Бельведер”)

Головная боль не проходила. Наоборот, если раньше голову как будто сдавливал тесный металлический обруч, то сейчас боль тупо сверлила левый висок. Две таблетки “Адвила”, контрастный душ, тугая повязка с холодной водой не помогли...

– Это всё чёртовы Коганы. “Кус има шалах, Бен-зана”, – Семён, ругаясь и подвивая от боли, мотался по гостиничному номеру, – Из-за них меня так скрутило. Это надо же такое сморозить! Мы, блин, относимся к древнему еврейскому роду первосвященников, на который была возложена обязанность хранить священные реликвии и знания... Все знают, что первым Первосвященником был Аарон, старший брат Моисея из колена Леви. А то, что потом Коэны стали священниками, а левиты их помощниками, в этом ещё надо разобраться... Всё у них по благу... Вон Пинхас, сын Аарона, замочил любовную парочку на глазах у всей общины Израиля, а ему за это “коенство” вечное... Ритуальное совокупление мужчины и женщины, образующих семейную пару, с древнейших времён священо. А он их за это копьём... Вот козёл!

Семён в очередной раз залез под душ. С остервенением, до отказа раскрутил кран с холодной водой и замер, превратившись в соляной, а вернее – в ледяной столб.

А пока ледяные иглы воды пытались унять головную боль, Семён вспоминал...

По приезду в Израиль, когда он ещё молоденьким мальчишкой, только осматривался, пытаясь найти свой собственный путь в “стране обетованной” на курсах изучения иврита, где разношерстные и разновозрастные школяры долбали древний язык, Семён познакомился с супружеской парой из Питера. Молодые ребята, Игорь и Ирина, имели такую же фамилию, как и Семён, Левины. Это вообще и послужило их сближению.

Игорь, закончивший престижный Ленинградский Университет, филологический факультет, ещё в СССР увлекался историей Израильского и Иудейского царств. Рассказывал он очень интересно, посвящая “тёмного” Семёна в древнюю историю евреев.

– Ты хоть знаешь, что означает столь знатная фамилия Левин? – Игорь спрашивал Семёна, когда они, закончив утомительные занятия, расположились за столиком в маленьком, дешёвом кафе, недалеко от школы.

Семён отрешенно мотал головой. К своему стыду, ничего еврейского, кроме фамилии у него не было. И если его брат, Борис, ещё немного интересовался историей евреев, то Семёна это мало трогало. Он, конечно, знал, что он еврей, периодически возмущался, когда его называли жидом, и бил за это в морду, но чисто рефлекторно, так как природный оптимизм, и лёгкий взгляд на жизнь, не давали ему большого повода задуматься над этим.

– Ну, и что же это за такая знатная фамилия? Очень интересно узнать, – Семён неторопливо помешивал кофе ложечкой.

– Фамилия Левин произошла от потомков колена Леви по прямой мужской линии, – Игорь с большим воодушевлением начал рассказывать.

Было видно, что это ему очень нравится, и он гордится своей принадлежностью к древнему колену Израиля.

– Левиты стояли особняком в древнееврейском культе служения богу. Они были потомками сына Иакова Левия, чьё колено предоставило евреям пророка Моисея, и дало потомкам особое право в священнодействии, причём это право было дано за то, что в отличие от других евреев, левиты не поклонились золотому тельцу... Что очень и очень не просто... Сам понимаешь, – добавил Игорь, улыбаясь, – Колено Левитов было избрано для высокого дела – религиозного воспитания еврейского народа, а Моисей ещё к тому же провозгласил левитов “воинством веры”, которое своим мечом карает отступников. Кроме того, Левиты следили за порядком в богослужении и при жертвоприношении. Из колена Левитов происходили самые искусные летописцы, излагавшие древние сказания о божественном происхождении израильских колен...

Много интересного о своих предках узнал Семён от начитанного Игоря.

Ледяная вода сделала своё дело. Она выдернула из виска тупую иглу... боль утихла. Семён, клацая зубами, вылез из ванной, и завернулся в махровый халат, улёгся на диван...

– Все равно Левиты важнее Коэнов, – была последняя мысль в его разбитой болью голове.

Семён уснул.

7. Израиль (Борис)

Борис ещё не пришел в себя от неожиданной смены обстановки, но проявлять слабость перед сидящей в кресле девицей ему не хотелось. Поэтому он не удостоил непрошенную гостью даже кивком головы, одновременно стараясь понять, каких ещё неприятностей нужно ожидать от столь бесцеремонного вторжения.

Брюнетка, среднего роста, лет 25-26. Симпатичная. Пятнистые защитные штаны и голубая майка, подчеркивали тренированную фигуру и прочие привлекательные детали. На коротко стриженной голове – такая же защитная кепка, в тон к штанам. На ногах – кожаные сандалии с множеством ремешков. В целом, девица выглядела вполне миролюбиво, но Борис не забывал про обладателя десантных ботинок – вполне вероятно, что тот где-то поблизости.

– Прошу прощения за внезапное появление, Борис, – заявила девушка, – но у нас не было времени для долгих объяснений.

– Удар по шее вы называете внезапным появлением? – спросил Борис, отметив про себя, что его имя не является секретом для собеседницы.

– Иначе вы бы не впустили меня в квартиру, а торчать в коридоре я не хотела, чтобы не засветиться, – последовал ответ.

– И с какой же целью вы почтили нас с братом своим визитом? – спросил Борис, стараясь показать, что он тут не одинок.

– Ваш брат в Каннах, – проявила девица свою осведомленность, пройдясь по направлению к окну и взглянув зачем-то на улицу, – А я здесь для вашей– же безопасности.

– Интересное у вас представление о моей безопасности, – съязвил Борис, потирая ноющую ещё шею, – Кто вас послал, и почему меня надо охранять?

– Я представляю охранную организацию... ваш брат Семён сотрудничает с нами. В последние дни обстановка осложнилась, благодаря, кстати, неуклюжим действиям вашего брата. Вот мы и решили, что, возможно, вы нуждаетесь в защите. Послали меня...

– И как зовут моего телохранителя? – поинтересовался Борис.

Он не слишком доверял тому, что только что услышал, но пока решил не предпринимать никаких действий, а собирать информацию и, по возможности, расслабиться. Ситуация была странная и Борису она не нравилась, включая девицу в пятнистых штанах. В конце концов, он приехал к брату в Израиль, а не в детективы играть.

– И всё же, – Борис повторил вопрос, – Как зовут моего телохранителя?

Девица взглянула на Бориса взглядом, от которого по спине поползли мурашки. Такое чувство он уже испытывал, когда в далёком пионерском детстве с друзьями залез в колхозный сад за яблоками. Успешно набив сумку полуспелым “белым наливом”, Борис слез с дерева и неожиданно очутился перед сторожем. Откуда тот взялся, Борис не понял, но противное состояние организма запомнил. Вот и сейчас, сверкнувшая сталь в глазах девицы напомнила ему о детском конфузе.

Борис постарался унять незаметную дрожь, но непрошенный телохранитель уловил вибрацию.

Ухмыльнувшись всепонимающей улыбкой – мол, вижу тебя, пацан, насквозь – девица поправила кепку, причём она это сделала очень элегантно, и коротко уронила:

– Суламифь.

Борис хмыкнул:

– Ну, тогда я царь Соломон.

Девица рассмеялась:

– Нет, уважаемый, вы не царь Соломон. Вы – Борис Левин, 36 лет, постоянное место проживания – город Москва, женат, двое детей. И давайте прекратим эту беседу. Не стройте из себя супермена. У меня есть определённые инструкции, которым я буду следовать. А вы, в свою очередь, будете выполнять все мои рекомендации. Ситуация очень серьёзная.

8. Франция – Канны (Семён)

На берег Средиземного моря опустилась теплая южная ночь. Фонари освещали только густую зелень парков и редкие парочки на набережной. Прямоугольники песчаных пляжей за парашютом были укрыты тенью, в которой угадывалась тайная жизнь: слышались звуки гитары и саксофона, шорох волн, смех и женские повизгивания. Кое-где слабые отсветы костра играли на человеческих фигурах, и было непонятно, стоят они обнявшись или медленно движутся в танце.

Семён задумчиво наблюдал за этой ночной жизнью, расположившись на скамейке возле парашюта с тлеющей сигаретой в руке. От утреннего энтузиазма ничего не осталось, только физическая усталость и некоторая неловкость. Он снова и снова пытался проанализировать информацию, услышанную на пресс-конференции, но ничего существенного, способного продвинуть вперед его расследование, не находил. Что за тайна скрыта в сценарии? Откуда взялся этот неизвестный никому псалом? А главное – почему фильм так заинтересовал его работодателей?

Семён сидел так уже несколько часов – благо, вечер был теплый. Он выкурил полпачки сигарет “Галуаз”, а перечисленные вопросы кружились у него в голове, наподобие карусельных лошадок: “псалом, тайна, сценарий, тайна, псалом, сценарий...”

Тут слово “сценарий” почему-то привлекло его внимание.

– Ведь сценарий – это литературное произведение. Его кто-то написал. Следовательно, этот кто-то знает, что в сценарии. То есть – нужно найти сценариста! – примерно таков был ход мыслей Семёна.

Он почувствовал воодушевление и прикурил ещё одну сигарету.

Дело несколько осложнялось тем, что он понятия не имел, как выйти на сценариста.

– У-у-у, Коганы! Чертовы братья-режиссеры. Вот кто всё знает. Придётся на них нажать, без этого ничего не получится, – Семён встрепенулся и резко застучал кулаком по скамейке, – Да, но как на них нажать, как получить информацию? Братья – ребята не простые, крутые... Мне самому не справиться. Надо подключить профессионалов, – Семён принял решение, встал со скамейки и пошёл по направлению к гостинице, – Я даже знаю кого. Группа “Зета”! Там спецы. Они умеют не только кулаками махать.

Он вспомнил молчаливого, низкорослого крепыша Дана, на которого его же товарищи косились с восхищением. Обрывки историй об успешном выполнении заданий во всех горячих точках планеты делали его фигуру почти что легендарной.

Или Натана, очень похожего на бельгийца Эркюля Пуаро, с такими же маленькие всевидящими глазами-буравчиками, где под скромной внешностью толстячка-ботаника скрывался мощный аналитически ум и бульдожья хватка. Такая же, как и у знаменитого сыщика. Да, в “Зете” есть, кому разобраться с братьями.

Семён шел по полутёмным улицам, прокручивал в уме плёнку с фотографиями сотрудников охранного предприятия и чувство того, что он разберётся с братьями Коганами росло по мере приближения к своей гостинице. И в холл гостиницы “Бельведер” Семён вошёл уверенным шагом. Завтра же, нет – сегодня, он позвонит доктору Левинсону, начальнику группы “Зета” и договорится о глубокой разработке братьев. И хоть это будет дорого стоить, чёрт с ними, с деньгами.

Жаль только, что про группу “Зета” Семён недавно посмотрел сериал по телевизору.

– А неплохо, если бы они существовали на самом деле, – подумал Семен.

И всё же он был уверен, что доберётся до тайного псалма.

Решение родилось под утро, когда уже вовсю защебетали за окнами гостиницы невидимые Семёну птицы. Решение было простое, как грабли дедушки Блоха, бывшего соседа по Нетании. Как всем известно – американцы без юристов, адвокатов и прочих законников шага ступить не могут. Если братья Коганы начинают съемки, значит все права на использование сценария уже ими оформлены, а сам сценарий и авторские права на него – “как пить дать” зарегистрированы в Штатах. А как вы думаете, где регистрируются в США авторские права? Правильно! Они регистрируются в Библиотеке Конгресса! Следовательно, и владельца этих самых прав можно легко найти, обратившись в данную библиотеку. Семён понял, что пора ему лететь в Штаты. Хоть и далековато будет, а всё лучше, чем наезжать на братьев-режиссеров силами мифической “Зеты”.

И тут он покраснел от стыда – его родной брат уже пять дней сидит в квартире Семёна в Нетании, прикрывая его собственным телом, а неблагодарная свинья (это он о себе) даже не собралась позвонить и объясниться. Да ещё в Штаты намылился...

Коротко взглянув на часы – без пяти семь, – Семён поднял со стола мобильник и набрал номер собственной квартиры.

9. Израиль (8 утра)

Борис терпеть не мог утренние телефонные звонки. В это время организм человека не готов к стрессам и волнениям, он ещё расслаблен и нежен. Всякие волнения ему противопоказаны в принципе. А резкий утренний звонок – это попытка внешнего мира заявить свои права, заставить тебя поступать не так, как ты хочешь. Реагировать, одним словом. Тем более, что ранние звонки, обычно, ничего хорошего не предвещают. Вот и сейчас, телефон, казалось, пробрался ему в черепушку и звонит, звонит, звонит...

– Але? – голос Бориса звучал хрипло.

Краем глаза он заметил темный стриженный затылок на соседней подушке.

– Борька, это я Семён, – знакомый голос, звучащий на другой стороне Средиземного моря, рвался из телефонной трубки, – Как ты там? Ты уж извини, что я тебя сорвал, да и бросил. Но дело такое...

Борис перебил брата, – Да, я понимаю. Не волнуйся... Когда появишься?

– Да в том-то и дело, что не скоро. Мне теперь в Америку надо смотаться. Необходимо попасть в библиотеку Конгресса – не ближний свет, конечно. Запиши на всякий случай номер моего мобильного.

– Понимаю, – согласился Борис, записав телефон брата, – Раз надо, значит надо. Я же отпуск взял, а Ивансон мне ещё и отгулы подписал... Давай, братуха, действуй... Только тут, – он замялся, ещё раз взглянул на стриженный затылок, и зашептал в трубку, – Тут меня охраняют, а кто за это платит?

Семён засмеялся.

– К тебе наверно Суламифь прислали. Всё в порядке. Она девка – огонь. Смотри, не обижай её. А с оплатой не волнуйся. Я обо всём договорился, – Семён ещё раз хмыкнул и отключился.

– Да... как же... обидишь эту восточную красавицу, – подумал Борис, осторожно кладя телефонную трубку, – видел я как она шампанское открыла. Ладонью срезала длинное горлышко бутылки как бритвой. Тот ещё огонь... В нём и сгореть можно.

Спать уже расхотелось. Борис лениво потопал на кухню. Привычно “зарядил” кофеварку и закурил.

Дым медленными кольцами подымался к потолку.

В спальне зашуршало и задвигалось. Спустя пару минут, на пороге кухни появилась девичья фигурка, завернутая в простыню. Над простыней виднелась взлохмаченная короткая шевелюра и темные глаза. Взгляд был хмурый.

– Кто звонил? – поинтересовались с порога.

– А вас действительно зовут Суламифь? – вопросом на вопрос ответил Борис, наливая кофе в две маленькие фарфоровые чашечки, явно китайского происхождения.

– Думаете, появился повод для знакомства? – не сдавалась оппонентка, слегка улыбнувшись.

– Это мой брат звонил... из Франции, – решил, наконец, раскрыть карты Борис, – Передавал вам привет. Сказал, что собирается в Штаты. Кофе хотите?

Придерживая простыню рукой, Суламифь переместилась от порога к столику и, присев боком на высокий табурет, пододвинула к себе кофейную чашечку.

– Ну, ладно – будем знакомы. Меня действительно зовут Суламифь, – сказала девушка, пробуя горячий кофе, – Фамилия – Левицкая, я из общественной организации, с которой сотрудничает ваш брат... Он не сообщил, что ему в США понадобилось?

– Сообщил, – ответил Борис, – Семён хочет посетить Библиотеку Конгресса.

– Странно... Вся информация из библиотеки уже давно доступна по интернету. Стоит ли самому туда мотаться? – Суламифь размышляла вслух, с аппетитом поглощая приготовленные Борисом бутерброды с клубничным джемом.

Борис промолчал. Он понимал, что Суламифь права... действительно, вся информация о Библиотеке Конгресса выложена в Интернете, но брату он полностью доверял.

– Значит так надо, – помедлил Борис с ответом, – Всегда есть небольшие нюансы, которые сложно решить on-line... можно только в личном контакте.

Борис искоса взглянул на девушку. Та была так погружена в размышления, что не заметила, как простыня распахнулась, частично обнажив маленькую крепкую грудь с милой родинкой.

Борис смотрел на Суламифь и вдруг переместился на пару десятилетий назад. Он вспомнил институтскую дискотеку, где с интересом наблюдал, как зажигательно танцевала незнакомая девчонка, с короткой стрижкой а-ля Гаврош, даже внешне очень похожая на парнишку из парижского предместья. Он любовался девушкой, и вдруг, когда объявили белый танец, девчонка решительно пересекла весь зал и пригласила Бориса на танец.

Потом были бессонные ночи в маленькой комнатке в студенческом общежитии, две недели пьянительного счастья, и вдруг всё закончилось. Не объясняя причин, короткая записка от Аллы – “надо срочно уехать” – и пустота...

Родинка... у Алки была такая же родинка, и тоже на правой груди.

Очевидно, Суламифь что-то почувствовала. Не поднимая глаз, она медленно запахнула простыню, отодвинула от себя пустую чашку кофе, очень грациозно соскользнула с табурета и на выходе из кухни коротко пояснила, – Я в ванную.

Борис понятливо кивнул и принялся убирать со стола. Он помыл посуду, закурил очередную сигарету и подошел к окну. За столиками кафе, расположенного напротив, ранние посетители заканчивали завтрак, проходящие мимо прохожие спешили на работу, а проезжающие машины и автобусы подгоняли их сигналами. Нетания уже проснулась...

10. Дистрикт Коламбия – Вашингтон

– Через двадцать минут наш лайнер прибывает в столицу Соединенных Штатов Америки. Просим вас установить спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни, – женский голос в салоне самолета разбудил Семёна.

– Пожалуйста, не забудьте заполнить ваши таможенные декларации, – продолжала невидимая дикторша.

– Успею... Ещё минут сорок на паспортном контроле простои́м, – определился опытный Семён.

Он уже не в первый раз приезжал в Штаты и процедура на границе была ему хорошо знакома. Сначала – паспортный и визовый контроль, затем ещё минут тридцать, пока багаж появится на карусели, потом – санитарный кордон с собачкой. “Санитары” будут интересоваться, а собачка – вынюхивать, не привез ли он каких семян из Европы, или, не дай бог – колбасы или сала. Тут надо заметить, что из Украины, тем не менее, сало-таки провозят, невзирая на кордоны. И только после всего – таможенники, которым твоя декларация, сразу понятно, “до фени”. По тебе же видно, что чемодана с наличкой у тебя нет, а если бы и был – так все твои чемоданы давно просвечены и проверены при разгрузке.

Самолет пошел на посадку, и у Семёна слегка заложило уши. В иллюминаторе на мгновение показался покрытый лесом кусок земли, промелькнула довольно широкая река, крыши домов и вот уже летит вдоль самолета бетонка аэродрома, толчок колес, переход двигателя на реверс, торможение, остановка и аплодисменты пассажиров. Прилетели.

Пока аэробус подруливал к международному терминалу вашингтонского аэропорта имени Джона Даллеса, Семён открыл свой кожаный кейс, нашел пластиковую папку с документами и посмотрел название отеля, забронированного для него израильской группой поддержки. Отель “Георг” – вполне современная гостиница, с отличным рестораном. И до Библиотеки Конгресса на Индепенденс Авеню – пять минут пешком.

Семён без осложнений прошёл в аэропорту все необходимые формальности и двинулся к стоянке такси, которая находилась у самого выхода из терминала.

Он медленно шагал по тротуару, лавируя между спешащими пассажирами, и не видел, что за ним с интересом наблюдают из потрепанного “Понтиака” жёлто-канареечного цвета с фирменным знаком “TAXI” на крыше.

Сидящий за рулём рослый блондин в надвинутой на глаза бейсболке сверлил Семёна нехорошим взглядом, а его сосед на пассажирском сидении, тонкий и худой очкарик с невзрачной внешностью, непрерывно щёлкал затвором фотоаппарата с большим черным телеобъективом.

Семён подошёл к стоянке, где уже выстроилась вереница машин, украшенных яркими брендами популярных фирм и крупно написанными номерами телефонов.

Рослый чёрный полицейский, из кобуры которого торчала рифлёная рукоятка револьвера невероятного размера, контролировал очередь. Под его пристальным взглядом пассажиры послушно усаживались в очередное свободное такси, а водители “кэбов” без лишних слов привычным движением подхватывали чемоданы и сумки путешественников и укладывали их во вместительные багажники.

Семён дождался своей очереди, уселся в такси и на вопрос таксиста-индуса: “Куда едем, босс?” протянул водителю написанное на бумаге название отеля.

Тот кивнул головой, включил зажигание и тронул машину.

Канареечный “Понтиак” двинулся следом...

Семён откинулся на спинку сиденья, принял удобную позу и прикрыл глаза. Можно было немного расслабиться. Это была их общая с братом черта – любили они вздремнуть в транспорте ещё со времени обучения в институте. Учеба начиналась рано – первая лекция в 8:30 утра. От ближайшей станции метро до ВУЗа ходил троллейбус номер 24. Студенты дружно штурмовали транспортное средство, а потом отдельные счастливицы, заняв сидячие места, могли ещё подряхнуть оставшиеся до лекции полчаса.

Такси уверенно двигалось в автомобильном потоке, а Семён размышлял:

– Интересно, почему американцы свою столицу или как они говорят – “Столицу свободного мира”, решили украсить Капитолием? Ведь стране-то всего пара-тройка сотен лет, какая уж тут эпоха великих цезарей. Совсем стыд потеряли. Да и Рим-то стоял на семи холмах, а у

реки Потомак всего один только и нашёлся. Но “американам” всё нипочём, вот молодцы, любят “понты” раскидывать. Хотя надо признаться, что подражателей у них немало. Слово “кэпитэл”, то есть столица, уже во всём мире появилась, даже в России Москву ей обзывают...

Семён взглянул в окно, такси определённо въезжало в центр города. Об этом отчётливо сигналила высоченная мраморная стела-монумент.

Семён вспоминал обрывки информации о столице США: раз появился 169-метровый обелиск Джорджу Вашингтону, значит недалеко и Капитолийский холм с Библиотекой Конгресса, а там и гостиница... похоже, что приехали.

Заселившись в не слишком просторный, но очень чистый и светлый номер с огромной кроватью, Семён спустился в кафе-бар на первом этаже отеля “Георг” названного, вероятно, в честь английского короля Георга III, при котором Соединенные Штаты окончательно освободились от власти английской короны. Не по его воле, конечно, а вследствие не очень удачной для англичан войны.

Обстановка отеля отражала английскую добротность и традиции в сочетании с современным дизайном: арки и лестницы, дубовая отделка стен и перил, балкон бельэтажа с фигурной решеткой и живописно оформленные колонны – всё перечисленное Семен оценил по достоинству, устроившись за столиком в баре и осмотревшись. В центре зала он отметил открытый рояль “Стейнвей” как бы ожидающий пианиста.

Однако, поданный барменом кофе и вежливая табличка на стене “Thank you for no smoking” его разочаровали. Особенно после каннского приволя, где и кофе был отличного качества, и курить нигде не возбранялось.

Вылебав наскоро свой двойной эспрессо, слишком горький – видимо, зерна были пережаренные, Семён взглянул на часы. Было ещё рано – четверть часа пополудни. Вполне достаточно времени для визита в Библиотеку Конгресса.

Главное здание библиотеки, в которое сгоряча направил свои стопы Семён, поразило его своим великолепием. Названное в честь основателя библиотеки именем Томаса Джефферсона, одного из президентов США, оно своим роскошным внутренним оформлением более напоминало венецианский дворец, чем библиотеку. Семён вспомнил скромные интерьеры главной библиотеки бывшего СССР – “Ленинки” и грустно усмехнулся. Да-а-а, какова империя, таков и храм науки.

Обнаружив в стороне от входа киоск с вывеской “Информация”, новоиспеченный исследователь-следопыт поспешил туда и вскоре выяснил, что департамент авторских прав находится в соседнем здании, носящем имя Джеймса Мэдисона.

Девушка из информационного киоска с намертво приклеенной улыбкой, в модной блузке, усыпанной металлическими заклёпками-звёздочками, с фиолетовой чёлкой и серёжкой над правой бровью подробно проинформировала не только как туда пройти, но впрыснула заодно и историю департамента:

“Мэдисон-билдинг” был построен на 150 лет позже главного здания Библиотеки, в 1957 году... Он и размером поменьше, да и выглядит попроще. Кстати, именно госсекретарь Джеймс Мэдисон был “отцом американской конституции” и стоял у истоков политико-правового учения. Вот поэтому здание и назвали его именем. Чтобы туда попасть, вам необходимо выйти на улицу через крутящуюся дверь “С”, свернуть направо и по дорожке пройти буквально пять минут... Очень рада была вам помочь”.

Семён закивал головой, должным образом оценив наряд экстравагантной девушки и отметив уникальную фиолетовую гамму цвета её волос и ногтей, удивительно сочетающуюся с отличным знанием американской истории, выдал почти без акцента: “Thank you very much, honey” – и покинул главный корпус библиотеки.

Сидя за рабочей станцией публичного зала, после непродолжительного поиска в базе данных по авторским правам, Семён увидел на экране монитора следующую информацию:

Библиотека Конгресса США:

Реестр Авторских Прав:

Регистрационный номер SKM1774320/8847

Произведение:

“Секрет утраченного псалма”, сценарий фильма.

Автор:

Франтишек Леви, Чешская республика, город Мелник.

Право использования:

Компания “Коган энд Коган Энтертейнмент,” Вест Голливуд, Калифорния, США”.

Отправляя на принтер найденную информацию, Семён несколько замешкался. Его отвлек неприметный худой очкарик, который как раз в это время оказался рядом.

– Мистер, – нервно обратился очкарик к Семёну, рыская взглядом вокруг стола, – Я тут оставил свой ежедневник. Вы его, случайно, не находили? У меня в ежедневнике очень важные записи!

Они сообща осмотрели все близлежащие столы, впрочем, без особого успеха. Очкарик понуро удалился, а Семён направился к принтеру, стоящему у входа в читальный зал. К его удивлению, заказанной справки у принтера не оказалось. Пришлось вернуться к рабочей станции и повторить операцию печати. На этот раз справка была отпечатана без приключений.

Для верности, Семён переслал интересующий его материал на свой адрес электронной почты, затем закрыл окно поиска и направился оплачивать использованное компьютерное время в кассу библиотеки.

11. Израиль – опять Борис

Борис стоял у окна с телефонной трубкой в руке. Только что позвонил Семён и сообщил, что он вынужден вылететь в Чехию, так как обнаружил кое-что интересное в библиотеке Конгресса. Это “кое-что” ведет в Чехию, в город Мелник.

– Суламифь, ты слышала что-нибудь про город Мелник в Чешской республике? – Борис обернулся к девушке, которая в этот момент погрузилась в изучение компьютера его брата.

Не отрывая взгляда от экрана монитора Суламифь прокомментировала:

– Когда я заканчивала школу, к моему однокласснику Иржи Новаку на выпускной вечер приехали родственники из Чехии. Шумные, весёлые... Они привезли с собой вино и всех нас угощали. У них был свой небольшой виноградник в окрестностях города. Так вот, то вкусное вино, которым нас угощали, называлось “Мелник” так же как и их родной город. Родственники Иржи очень гордились, что на их винограднике растёт настоящая французская лоза из Бургундии, поэтому вино и было таким вкусным. Мелник – небольшой и уютный городок, в 30 километрах на севере от Праги, стоящий на слиянии рек Влтавы и Эльбы. В нём нет ничего особенного...

Она сделала паузу:

– Единственное, что может заинтересовать в городе Мелник, это построенный на вершине холма старинный готический замок, принадлежащий князьям Лобковицам. По старинным легендам подземелья замка скрывают несметные богатства. Народ периодически роет землю в окрестностях замка, но ничего не находит – очередная легенда об утраченных сокровищах.

– Лобковицы? – удивился Борис, – Кажется, был такой принц Фердинанд Лобковиц, премьер-министр у императора Франца I, друг или даже родственник известного авантюриста эпохи Просвещения графа Сен-Жермена, который в свою очередь был португальским евреем... Или я ошибаюсь?

– Я точно не знаю, – Суламифь с удивлением смотрела на Бориса, – но попробую выяснить.

– Кстати, о бургундском, – оживился Борис, – а не посетить ли нам какой-нибудь местный ресторанчик? Вероятно, мадемуазель знает приличное и не слишком шумное заведение поблизости? А то я тут уже неделю – и никакой культурной программы! – скорчил он жалобную мину, – Мы – инкогнито. Обещаю не бззить и на скандалы не нарываться.

Суламифь с сомнением взглянула на подопечного.

– Я хожу только в кошерные рестораны, – сообщила она значительно, – Тебя такой выбор устраивает?

– Конечно! – с энтузиазмом откликнулся Борис, лихорадочно вспоминая, кошерна ли водка, – Я же в Израиле, странно было бы здесь посещать некошерные заведения.

– Ну, хорошо, покажу тебе приличную харчевню. Форма одежды – парадная. У тебя есть парадная форма?

Борис молча метнулся к шкафу.

Через пятнадцать минут они уже спускались в лифте.

– Это далеко? Может, вернемся и вызовем такси? – озабоченно поинтересовался Борис.

– Я тебя довезу, – улыбнулась Суламифь, – у меня есть транспорт.

Борис ожидал увидеть характерную для Израиля малолитражку, но они подошли к солидно стоявшему на домовой парковке блестяще-серому мотоциклу, оснащённому двумя антеннами, противотуманными фарами, большим багажным ящиком и прочими прибабками.

– “Хонда-Турер”, – прочитал Борис надпись на боку мотоцикла, – Крутая штука! Зверь, а не машина!

Суламифь достала из багажника два затемнённых мотошлема и протянула один из них Борису, – Как ты относишься к двухколесному средству передвижения?

– Не средство передвижения украшает человека, а человек средство, – двусмысленно ответил Борис, уверенно напяливая шлем, – У меня в детстве мотороллер был. Назывался он “Муравей”, но летал я на нём как птица. Мне все ребята завидовали.

– А почему мотороллер? – удивилась Суламифь.

– Потому, что мотоцикл достать было трудно, да и дорого... Вот если бы мне тогда такого красавца! – и Борис ещё раз с восхищением оглядел “Хонду”.

– Если бы у бабки были бы “бейцы”, – по-мужски пошутила Суламифь, – то она была бы дедка. Поехали, московский мечтатель, очень есть захотелось.

Борис в очередной раз проглотил сорвавшиеся было неформальные слова – женщина, тем более – восточная, что с неё взять – молча уселся на мотоцикл и попытался ладонями плотно охватить грудь Суламифь. Та, молча, передвинула наглые ладони с груди на талию, прошипела: “Не балуй”, дернула ногой педаль мотоцикла, крутанула ручку газа, приподняла переднее колесо и рычащий “японский зверь” полетел вперёд блестящей стрелой.

Уже на подъезде к ресторану, когда Суламифь снизила скорость, Борис услышал:

– Ресторанчик “Ялом” – очень чистенький, очень маленький, старинный триполитанский ресторан... Знаешь, какая кухня в Триполи?

– Интересно, что она имеет ввиду, какую из Триполи – столицу Ливии или одноимённый город в северном Ливане? – Борис любил географию, хорошо ориентировался, но сейчас его интересовало только одно... Он настойчиво пытался переместить ладони в правильное, как ему казалось, положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.